

УДК 215

DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.045

**Философская антропология в синтезе русской
религиозной традиции XVIII-XX веков****Гончаренко Игорь Викторович**

Аспирант,
Белгородский национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: 328708@bsu.edu.ru

Литвиненко Александр Сергеевич

Аспирант,
Белгородский национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: 1214949@bsu.edu.ru

Нифонтова Ольга Ивановна

Аспирант,
Белгородский национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: 1214536@bsu.edu.ru

Страхова Ирина Александровна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и теологии,
Белгородский национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: strahova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования одной из наименее известных областей русской антропологической традиции, возникшей и развившейся в междисциплинарном философско-богословском пространстве православной мысли XIX-XX вв. Авторы статьи характеризуют важнейшие отличия этой междисциплинарной области антропологических исследований, обращаясь к нескольким ключевым эпизодам (cases) ее истории. Прежде всего, анализируется ее дисциплинарный генезис – в трудах мыслителей круга митрополита Филарета (Дроздова), где возникает термин «Antropologia Theologica» (или «bogoslovskoye chelovekoslovie», theological anthropology); эти же мыслители систематизируют и уточняют фундаментальные понятия христианской антропологии как в ее восточно-византийской версии, так и те, которые возникли в

исторически близкой западной, лютеранской. Затем, в статье предлагаются результаты анализа трудов епископа Феофана (Говорова), в которых получает развитие православная доминанта на рациональное и целостное понимание человека, его природы и состава, несводимого к рациональной (аристотелевской) анатомии человека, но заключающего в себе некоторый социальный минимум самодвижения, разумного социально-личностного действия. Наконец, в статье рассматриваются особенности научно-экспериментального и философско-богословского подходов архиеп. Луки (Войно-Ясенецкого), ученого-медика, философа и богослова, продолжающего историю рациональной и исторически разносторонней *Antropologia Theologica*. Концептуальная реконструкция русской междисциплинарной *theological anthropology*, как это обосновывают авторы статьи, позволяет уточнить не только исторические, но и современные практики антропологических исследований в России, их причастность к общему движению христианской философско-богословской мысли, и их собственное своеобразие (антропологические интенции неопатристического синтеза, интерпретации наследия Григория Паламы, энергийную антропологию С.С. Хоружего и др.).

Для цитирования в научных исследованиях

Гончаренко И.В., Литвиненко А.С., Нифонтова О.И., Страхова И.А. Философская антропология в синтезе русской религиозной традиции XVIII-XX веков // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А. С. 240-248. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.045

Ключевые слова

Antropologia Theologica, рациональность, философия религии, теологическая антропология, русская православная мысль, религиозное мышление.

Введение

Одно из традиционных отличий философской мысли в России – интенсивный антропологический поиск. Наиболее активной исторической областью этого поиска является «долгое» XIX столетие (включающее первые полтора десятилетия XX в.), когда вопросы о человеке, его природе, предназначении, граничных смыслах человеческого существования исследовались с некоторым особенным, возрожденческим энтузиазмом. Тогда в оживленной атмосфере философских разговоров переводились на русский язык сочинения Платона и Аристотеля, увлекались размышлениями о естественном человеке Ж.Ж. Руссо, вчитывались в труды Р. Декарта, Б. Спинозы, Им. Канта, Ф.В.Й. фон Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Эдуарда фон Гармана и др., разыскивая в них истины, которые проясняли бы историю человеческого самосознания, его разумно-свободные и неподотчетные разуму начала. В той русской философской антропологии нельзя было обойтись без последних вопросов о *вере и знании* как условиях *самопознания*. В университетских философских сообществах и на страницах многочисленных общественных журналов это вопрошание нетрудно заметить (вплоть до журнала «Вера и разум» 1884-1917 гг., где этот вопрос был вынесен в название). Однако, настоящая революция – *радикальный поворот в сторону рационального осмысления глубинных проблем человеческого опыта* совершился в междисциплинарной области философско-богословских исследований. Эта область наименее

изучена и, на наш взгляд, требует специального исторического и систематического исследования.

Для уточнения познавательных установок этой *terra incognita* русской антропологии мы располагаем двумя терминами, к которым обращались исследователи, работавшие в этой области, – латинским «*antropologia theologica*» и специфически русскими «богословское человековедение» или просто «человековедение». Эти термины вошли в оборот с появлением сочинений, посвященных философско-богословской антропологии, – в круге митрополита Филарета (Дроздова) (1783-1867) и его учеников, архиепископа Кирилла (Богословского-Платонова) (1788-1841) и архимандрита Евтихиана (Лестева) (1787-1837). Первые два термина появляются в трудах митрополита Филарета; последний, «человековедение», – в текстах архимандрита Евтихиана и архиепископа Кирилла.

Пути развития *Antropologia Theologica* в исследованиях митрополита Филарета (Дроздова) и его учеников

Рациональную определенность и завершенность антропологическим размышлениям митр. Филарета придавало его стремление к диалогу с мыслителями западной (прежде всего лютеранской) философско-богословской традиции, *в которой вера осмысливалась как некоторый свободный дар Бога, и познавалась через Sola Scriptura – рациональную герменевтику esse homo* (Ин. 19: 5) (Как показывают исследования, *antropologia theologica* митр. Филарета была создана при частом обращении к трудам немецкого философа и лютеранского теолога Иоганна Франца Буддея). [Buddeus, 1741, 20]. Во многие учебные программы Санкт-Петербургской Духовной Академии, составленные с участием митр. Филарета, были включены труды Ф. Буддея; в число рекомендуемых пособий входили сочинения и других богословов, мысливших в категориях западной богословской рациональности – Холлазия, Сардагни, Турретини, Эрнести Шуберти, Теллеры и др. [Чистович, 1857, 188-191]. Выходя за границы привычных суждений о дихотомии (души и тела) и трихотомии (духа, души и тела) он трактует в предполагаемом «составе» человека умовое начало: «дух и ум составляют почти одно, как и подлинно соединяет их Апостол, когда излагает истину, или существо христианского учения, состоящее в том, чтобы обновляться духом ума (Ефес. 4, 23). Если можно здесь примечать, какое различие ума от духа: то разве такое, что дух представляется в самом уме чем-то более возвышенным, более внутренним, открывающимся в уме, подобно как душа открывается в чувствах» [Городков, 1887, 84].

Архиеп. Кирилл выверяет суждения митрополита Филарета о составе человека, обращаясь к словам ап. Павла: «Ап. Павел дух разделяет от души. Живое слово Божие и действительно и проходяще до разделения души и духа. (Евр. 4.12), следовательно, дух не есть тоже, что душа...он есть сила, имеющая способность ведения, различная от той способности высшей душевной, которая понимает и чувствует»¹. Паулинистический акцент, усиливаемый в *antropologia theologica* архиеп. Кириллом, позволяет ему с некоторой *систематической* отчетливостью выделить четыре состояния человеческой природы, дать определения «частям»

¹ Кирилл (Богословский-Платонов), архиеп. Богословие созерцательное: 1,2,3,4 [рукопись]: курс лекций Кирилла / Богословского-Платонова /, читанных им в Московской духовной академии. - [Б.м.], XIX в. - 79 [II] л. ОР Ф.304.2 №155; 72 [II] л. ОР Ф.304.2 №156; 65 [III] л. ОР Ф.304.2 №157; 110 [II] л. ОР Ф.304.2 №158.

человека (духу, душе и телу) и охарактеризовать их качества в состоянии совершенства и в состоянии поврежденности и т.д.

Архим. Евтихиан предлагает *герменевтический комментарий* к трудам митр. Филарета, значительно уточняя богословские положения своего учителя. Так, отмечая, вслед за митрополитом, что «внутренняя часть человека создается Богом через вдохновение в него своего дыхания», и что душа в еврейском тексте называется «дыханием жизней», архим. Евтихиан разъясняет, что человек соединяет в себе жизнь растений, поскольку «сначала взрослеет, и потом умалется, сохнет и наконец истлевает», жизнь животных, потому что «подобно животным требует себе помощи в пище и воздухе», жизнь Ангелов, поскольку «главнейшая деятельность его состоит в разуме и произволении»; жизнь временную, жизнь вечную, «поскольку дух его бессмертен», жизнь по образу мира видимого, жизнь по образу мира невидимого; наконец, жизни телесную, душевную и духовную². Согласно взглядам архим. Евтихиана, человек представляет собой средоточие многочисленных видов и способов жизней, объединяя в самом себе все существующие возможности бытия в тварном мире (пространстве). Тот же фрагмент у митр. Филарета сводится к простому перечислению без объяснений: «...человек действительно совокупляет в себе жизнь растений, животных и Ангелов, жизнь временную и вечную, жизнь по образу мира и по образу Божию» (Городков, 1887, 83)

Богословие и мистика в предании Восточной Церкви: святитель Феофан Затворник

Во второй половине XIX века *antropologia theologica* получила свое развитие и приобрела черты устойчивой, целостной доктрины в трудах еп. Феофана (Говорова) (1815–1894). Возобновляя рациональные аспекты европейской антропологической традиции, он комментирует наследие Аристотеля, *реинтегрируя аристотелевский рационализм в семантическом поле мистико-аскетического опыта христианства* (что вполне соответствует и традиции основоположников деятельной христианской антропологии, в которой «знание тех, кто им кичится без делания, есть богословие демонов») [Максим Исповедник, 2008, 212]. Сугубо рациональная антропология замыкает самопознание в его в его собственных границах – идеологизирует его, но «идеи доказывают только, что есть невидимые вещи, подобно тому как требование пищи доказывает, что есть пища; а что такое те предметы, каковы они, где – это еще надобно узнавать. Притом и сие указание на бытие невидимого мира не есть непосредственное, а посредственное, умозаключительное» [Феофан Говоров, 2019, [www](#)]. Исключительно рациональная антропология является, таким образом, субъектцентрированной, разрушающей целостность человеческого существования, которая никогда не ограничивается самим человеком. Между тем, «разум есть только зрительная духовного мира сила. Очевидно, что для дальнейшего развития или размножения сего знания необходимо упражнять сию силу зрения духовного действительным зрением, подобно тому как зрительную силу глаза упражняет и разнообразить опытность зрения вашего в действительном зрении» [Феофан Говоров, 2019, [www](#)].

² Богословие догматическое. Человеческое. Книга I [рукопись]. – [Б.м.], 1830-е гг. – 192. Штатпы отдела рукописей. ОР Ф. 173.4 №120.

Концептуальным условием интегральной *antropologia theologica* еп. Феофана (Говорова) становится *не некий абстрактный холистический идеал человека или человеческого понимания, а деятельное общение* – контакт с миром и собственной глубиной: «необходимо входить с тем миром в непосредственное сношение и соприкосновение, как чувственный глаз входит в такое сношение с вещами чувственными, то есть необходимо быть в общении с Богом и миром духовным» [Феофан Говоров, 2019, [www](#)]. Это общение, которое предполагает человекознание в связи с опытом Богопознания и по аналогии с ним – общение, как решение некоей мистико-аскетической задачи. Если познать Бога означает не столько узнать о Нем, сколько увидеть, узреть, ощутить или «вкусить» Его («Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33:9) – соединиться с Ним, то и самопознание человека в его предельной познавательной, опытной искренности таково. *Antropologia theologica* здесь оказывается познавательной практикой доверия к своей глубине, на которой ощущается «теплота любви Бога к себе» [Феофан Говоров, 2019, [www](#)], и предполагает обращение к ресурсам «чистого сердца» (Мф 5:8). «Человекословие», по мысли еп. Феофана, есть исконная герменевтическая практика познания-φιλία, любовно-дружественного или участного отношения познающего и познаваемого. В этом познании дает себя знать когнитивный минимум веры как некий дар, деятельный минимум умового и сердечного общения человека со своей глубиной – движение «Духа Святого, данного нам» (Рим. 5:5). «Дух Святой подается всякому верующему. Привходя в него, Он приносит с Собою, возгревает и дает ощутить сердцу его любовь Божию, любовь Бога к нам и любовь нашу к Богу, из которых та и другая держать упование на степени непосрамляющей уверенности. Ощутивший теплоту любви Бога к себе не может допустить никакого сомнения в том, что Бог, согревающий его Своею любовью, сделает для него все, по Его же обетованию, ожидаемое от Него» (Примечательно, что практический контекст *antropologia theologica* образует т.н. «беседническое движение» (со свободной, глубинно личностно-социальной организацией, единением «мира и клира» и др.), у истоков которого стоит старший современник русских философско-богословских антропологических исследований преп. Серафим Саровский (1754 или 1759-1833). [Дударев, 2019, [www](#)]. Уместно также заметить, что антропологические размышления епископа Феофана (Говорова) нашли продолжение и развитие в русском богословии XX столетия, трудах епископа Василия (Кривошеина), отца Георгия Флоровского, протопресвитера Иоанна Мейендорфа, Владимира Лосского и др.)

Научно-богословский синтез «Antropologia theologica» в трудах архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)

В конце XIX и первых десятилетиях XX вв., когда антропологическая проблематика получила развитие в экспериментальном естествознании и, с другой стороны, в различных феноменологических формах философских исследований, уникальным свидетельством познавательного напряжения, существующего в русской *antropologia theologica*, стали труды одного из ведущих отечественных ученых-медиков и, вместе с тем, богословствующего иерарха Русской Православной Церкви архиеп. Луки (Войно-Ясенецкого) (1877-1961). В работе «Дух, душа, тело» архиепископ Лука рассматривает теорию высшей нервной деятельности И.П. Павлова сквозь концептуальную призму интуитивизма А. Бергсона и экзистенциально ориентированной философии жизни, принимая во внимание материалы как истории европейского самосознания, так и новейший эмпирический корпус физиологических

(рефлексологических) исследований. В центре внимания оказывается сердце – «специальный орган чувств, средоточие эмоций и орган нашего познания» [Лука (Войно-Ясенецкий), 2001, 205].

Уточняя значение открытий Павлова, архиеп. Лука обосновывает, что сердце и подобные ему категории по своей познавательной природе являются вполне открытыми: «наши анатомо-физиологические знания о сердце не только не мешают, а скорее даже побуждают нас считать сердце важнейшим органом чувств, а не только центральным мотором кровообращения» [Лука (Войно-Ясенецкий), 2001, 210].

Научно-физиологические представления о сердце, всегда аспектуально ограниченные, «поверхностно-софистичные» [Carnap, Rudolf, Hans Hahn, Otto Neurath, 2012, 81], в человековедении архиеп. Луки восполняются культурно-исторически, в пространстве когнитивных интуиций и открытой познавательной целостности *antropologia theologica*. Он замечает, что еще древние греки особым образом относились к этому человеческому органу, для именованного которого было несколько отдельных слов, означавших не только физические процессы, но и душу, ум, настроение, мысль, убеждение, взгляд и др. [Лука (Войно-Ясенецкий), 2001, 211]. В языке русской культуры сердце «страдает», «болит», «радуется», «чувствует», «тоскует», т. е. берет на себя функции органа души, делается «как бы органом чувств, и притом чрезвычайно тонким и универсальным» [Лука (Войно-Ясенецкий), 2001, 212] *Категория сердца становится, таким образом, условием познавательной настройки предельно деятельного, духовного человековедения, общения с Богом, «а следовательно», сердце «есть орган высшего познания»* [Лука (Войно-Ясенецкий), 2001, 215]. Сам архиеп. Лука, обращаясь к той категории, выказывает себя современником и, в сущности, собеседником мыслителей, которые трактовали давнюю паскалевскую идею о «логике сердца» в общем контексте истории философии первой половины XX века, когда со всевозрастающим усердием пересматривались парадигмальные истоки и основания философского мышления (Внимание к сердцу как категориальному условию антропологических исследований в истории русской философской мысли давало себя знать также в работах П.Д. Юркевича («Сердце и его значение в духовной жизни человека», 1860); Б.П. Вышеславцева («Значение сердца в религии», 1925; «Сердце в христианской и индийской мистике», 1929), И.А. Ильина («Поющее сердце», 1943) и др.; но культурно-историческая постановка вопроса, которую с некоторой познавательной искренностью предлагает архиеп. Лука, является уникальной в своем роде.

Заключение

XIX век в истории русской философской мысли проявил себя в разносторонних и интенсивных антропологических исследованиях. Одна из наименее исследованных областей антропологического движения того времени – пространство философско-богословской мысли, в которой традиционные антропологические вопросы о вере, знании, самопознании пересматривались и представляли в форме нового рационально-деятельного синтеза – «*antropologia theologica*» («богословском человековедении», «человековедении»).

Возникнув в кругу мыслителей, близких митр. Филарету (Дроздову), *antropologia theologica* становится своего рода герменевтикой паулинистического гнозиса, началом возвратного понимания свободного и социально-личностного начал христианской антропологии; такое

понимание предполагал восточный опыт «преображающего» мышления, и к нему стремился западный опыт – философия и богословие лютеровской реформации.

Ключевой концептуальной структурой, переосмысливаемой в ходе исторического движения русской *antropologia theologica*, являлась аристотелевская философия человека. В трудах еп. Феофана (Говорова) с исключительной обстоятельностью развиваются аристотелевские смыслы деятельного понимания человека как входящего в общение с миром и Богом; «человекословие» здесь предстает в связи с опытом богословия (в т.ч. мистико-рационального) и по аналогии с ним.

В области научно-богословского синтеза «*antropologia theologica*» фактически представлена в трудах архиеп. Луки (Войно-Ясенецкого), весьма известного ученого-медика, философа и богослова, сопоставившего основания и познавательные структуры опыта физиологических и религиозно-философских категорий антропологического опыта, минималистические установки интуитивизма А. Бергсона и полноту христианской заботы о человеке, его «сердце».

Концептуальное возобновление русской междисциплинарной *theological anthropology* имеет вполне определенную исследовательскую перспективу и является актуальным в познавательной ситуации нашего времени начала XXI в., «после истории». Возникает возможность уточнить не только исторические, но и современные практики антропологических исследований в России, их причастность к мировому движению христианской философско-антропологической мысли и собственное их своеобразие (антропологические интенции неопатристического синтеза, интерпретации наследия Григория Паламы, энергийную антропологию С.С. Хоружего и др.).

Библиография

1. Алексей Городков. Догматическое богословие по сочинениям Филарета, митр. Московского. Казань: Тип. Губернского правления, 1887. 301 с.
2. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике Paris: Ymca-press, 1929. 77 с.
3. Вышеславцев Б.П. Значение сердца в религии // Путь. 1925. № 1. С. 79–98.
4. Дударев А.Н. В поисках духовных корней: беседническое движение в Русской православной церкви (историософский анализ) // Сибирские огни. 2008. № 12 [Электронный ресурс] URL: <http://сибирскиеогни.рф/avtor/dudarev-andrey> (дата обращения: 2019.07.2019).
5. Есюков А. И. Мировоззрение русского человека «духовного чина»: архиепископ Феофилакт (Ф. Г. Русанов) // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира. Сборник научных трудов. 2013. Изд-во им. В. Н. Булатова Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. – 416 с.
6. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3. С. 227–380.
7. Преп. Максим Исповедник. Письма. СПб., 2008. С. 212.
8. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия; Дух, душа и тело: Феникс, Троицкое слово, 2001. 316 с.
9. Феофан Говоров, святитель. Начертание христианского нравоучения. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravouchenija/3#h417 (дата обращения: 21.05.2019).
10. Феофан Затворник, святитель. Толкование первых восьми глав Послания св. Апостола Павла к Римлянам [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/feofan_k_rimlanam/#2b (дата обращения: 21.05.2019).
11. Чистович И. А. История С. Петербургской духовной академии [Текст] / сочинение экстраординарного профессора С. Петербургской духовной академии Илариона Чистовича. – Санкт-Петербург: в Тип. Якова Трея, 1857. - [8], 458, IV с.
12. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 69–103.
13. Buddeus Johann Franz. Io. Francisci Buddei... Institutiones theologiae dogmaticae variis observationibus illustratae. - Francofurti; Lipsiae [Leipzig]: [s. n.], 1741. - [10], 1320, 20 с.
14. Carnap, Rudolf, Hans Hahn and Otto Neurath, 1929, Wissenschaftliche Weltauffassung – Der Wiener Kreis, Wien: Wolf, partial transl. in Neurath 1973, pp. 299–318, full trans. in Stadler and Uebel 2012, pp. 75–116.

Philosophical anthropology in the synthesis of Russian religious tradition of the XVIII-XX centuries

Igor' V. Goncharenko

Postgraduate,
Belgorod National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: 328708@bsu.edu.ru

Aleksandr S. Litvinenko

Postgraduate,
Belgorod National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: 1214949@bsu.edu.ru

Ol'ga I. Nifontova

Postgraduate,
Belgorod National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: 1214536@bsu.edu.ru

Irina A. Strakhova

PhD in History,
Associate Professor at the Department of Philosophy and Theology,
Belgorod National Research University,
308015, 85, Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: strakhova@bsu.edu.ru

Abstract

The article presents the results of a study of one of the least known areas of the Russian anthropological tradition, which arose and developed in the interdisciplinary philosophical and theological space of Orthodox thought of the XIX-XX centuries. The authors of the article characterize the most important differences in this interdisciplinary field of anthropological research, referring to several key episodes (cases) of its history. First of all its disciplinary genesis is analyzed – in the writings of the thinkers of the circle of Metropolitan Philaret (Drozdov), where the term *Antropologia Theologica* (or theological «chelovekoslovie», theological anthropology) arises; the same thinkers systematize and clarify the fundamental concepts of Christian anthropology, both in its Eastern Byzantine version, and those that arised in the historically close Western, Lutheran. Then in the article are proposed the results of the analysis of the works of Bishop Feofan (Govorov), where the Orthodox dominant is developed for a rational and holistic understanding of a person, his nature and composition, which can not be reduced to rational (Aristotelian) human anatomy but

containing a certain social minimum of self-movement reasonable social and personal action. Finally in the article are discussed the features of the scientific experimental and philosophical-theological approaches of Archbishop Luke (Voyno-Yasenetsky), medical scientist, philosopher and theologian, continuing the history of a rational and historically diverse *Antropologia Theologica*. The conceptual reconstruction of Russian interdisciplinary theological anthropology, as the authors substantiate, allows to clarify not only historical but also modern practices of anthropological research in Russia their involvement in the general movement of Christian philosophical and theological thought and their own originality (anthropological intentions of neo-patristic synthesis, interpretation the heritage of Gregory Palamas, the energetic anthropology of Sergey S. Khoruzhy etc.).

For citation

Goncharenko I.V., Litvinenko A.S., Nifontova O.I., Strakhova I.A. (2019) *Filosofskaya antropologiya v sinteze russkoi religioznoi traditsii XVIII-XX vekov* [Philosophical anthropology in the synthesis of Russian religious tradition of the XVIII-XX centuries]. *Kontekst i refleksiya: filosiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (5A), pp. 240-248. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.045

Keywords

Antropologia Theologica, rationality, philosophy of religion, theological anthropology, Russian Orthodox thought, religious thinking.

References

1. Aleksey Gorodkov (1887) *Dogmaticheskoe bogoslovie po sochineniyam Filareta, mitr. Moskovskogo*. Kazan': Tip. Gubernskogo pravleniya. 301.
2. Buddeus Johann Franz. Io. Francisci Buddei... *Institutiones theologiae dogmaticae variis observationibus illustratae*. – Francfurti; Lipsiae [Leipzig]: [s. n.], 1741. – [10], 1320. 20.
3. Carnap, Rudolf, Hans Hahn and Otto Neurath (2012). *Wissenschaftliche Weltauffassung – Der Wiener Kreis*, Wien: Wolf, partial transl. in Neurath 1973. 299–318, full trans. in Stadler and Uebel, 75–116.
4. Chistovich I. A. (1857). *Istoriya S. Peterburgskoj duxovnoj akademii* [Tekst] / cochinenie e`kstraordinarnago professora S. Peterburgskoj duxovnoj akademii Ilariona Chistovicha. – Sankt-Peterburg: v Tip. Yakova Treya. [8], 458, IV.
5. Dudarev A.N. In search of spiritual roots: the conversational movement in the Russian Orthodox Church (historiosophical analysis) // *Siberian lights*. 2008. № 12. Retrieved on 07 july 2019 from <http://Sibirskiegni.rf/avtor/dudarev-andrey>.
6. Esyukov A. I. (2013). *Mirovozzrenie russkogo cheloveka «duxovnogo china»: arxiepisop Feofilakt (F. G. Rusanov) // Yazy`k i kul`tura Russkogo Severa: k voprosu o regional`noj yazy`kovoj kartine mira. Sbornik nauchny`x trudov. Izd-vo im. V. N. Bulatova Severnogo (Arkticheskogo) federal`nogo universiteta im. M. V. Lomonosova*. 416.
7. Feofan Govorov, svyatitel`. *Nachertanie xristianskogo nravoucheniya*. Retrieved on 21 may 2019 from https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravoucheniya/3#h417.
8. Feofan Zatvornik, svyatitel`. *Tolkovanie pervy`x vos`mi glav Poslaniya sv. Apostola Pavla k Rimlyanam*. Retrieved on 21 may 2019 from http://www.odinblago.ru/feofan_k_rimlanam/#2b.
9. Il`in I. A. (1994). *Poyushhee serdce. Kniga tixix sozerczaniy* // Il`in I. A. *Sobranie sochinenij: v 10-ti t.* Moscow: Russkaya kniga. T. 3. 227-380.
10. prep. Maksim Ispovednik. *Pisma*. Spb., 2008. 212.
11. Vy`sheslavcev B.P. (1925) *Znachenie serdca v religii* // *Put`*. № 1. p. 79–98.
12. Vy`sheslavcev B.P. (1929) *Serdce v xristianskoj i indijskoj mistike* Paris: Ymca-press. 77.
13. Svyatitel` Luka (Vojno-Yaseneczkij) (2001) *Nauka i religiya; Dux, dusha i telo: Feniks, Troiczko slovo*. 316.
14. Yurkevich P.D. (1990) *Serdce i ego znachenie v duxovnoj zhizni cheloveka po ucheniyu Slova Bozhiya* // Yurkevich P.D. *Filosofskie proizvedeniya*. Moscow: Pravda. 69-103.